

Алисия Харт

ТЬМА ВНУТРИ МЕНЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Чтобы выжить среди монстров, нужно
выпустить своего

18+

Алисия Харт

Тьма внутри меня

<https://litres.ru/74367543>

SelfPub; 2026

Аннотация

Земная жизнь Дианы закончилась в ту секунду, когда она закрыла глаза. Сон не принес покоя — он вернул ее домой. Сквозь плену забвения она очнулась в своем истинном, пугающем теле. В мире, где вечный сумрак разрывают крики чудовищ, она больше не слабая девушка. Она — демоница.

Но вернуть память — не значит вернуть себя. Диана оказывается заперта в ловушке двоедушия. Человеческая мораль заставляет ее стремиться к свету, в то время как первобытная демоническая кровь требует жестокости и власти. Вокруг сгущаются тени, а мир монстров не прощает слабости. Чтобы выжить среди тварей, ей придется самой стать чудовищем.

В этой бездне греха и крови она встречает Его — того, чья темная суть связана с ней нерушимыми узами. Проклятие это или спасение? Сможет ли она удержать демона на привязи, или тьма внутри нее поглотит этот мир без остатка?

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Диана	11

Алисия Харт

Тьма внутри меня

Пролог

Тёмная ночь заглядывала в узкое, полугрязное окно, больше похожее на амбразуру тюремной камеры. В этом доме, затерянном на задворках тёмной стороны Дессы, не было ни электричества, ни тепла – лишь удушливый, горький дым от догорающей в печи лучины да хриплое, задыхающееся дыхание роженицы. Молодая измученная женщина корчилась от мучительной раздирающей боли, выгибалась дугой, при этом цепляясь пальцами за серую соломенную подстилку. Она заглушала сжатой в зубах застиранной тряпкой собственные страдальческие крики, но на пике ещё одной потуги серая сермяга выскользнула из её ослабевших челюстей, и избу сотряс надрывный вопль, эхом прокатившийся по комнате, где кругом царила нищета, пахнувшая сыростью и дешёвым лампадным маслом.

– Родная, милая моя – мужчина тихо всхлипнул, прижавшись холодным лбом к её разгоряченной руке – Потерпи, прошу. Повитуха сказала осталось немного, и Великая Мать заберет тебя к себе. Там не будет боли, больше никаких мук, слышишь? Я не хочу этого, Бездна тому свидетельница – он

затрясся от тихого плача – Не хочу, но знаю: там, в чертогах тёмной святыни, тебе будет лучше чем здесь.

В ответ ему раздалось очередное стенание жены, да тихое бормотание священных слов Матери – Настоятельницы из храма Высшего Милосердия, помогающей несчастной родить двенадцатого ребенка.

Закатав рукава тёмного одеяния, повитуха умело вела эти долгие, мучительные роды. Когда в хижине прозвучал последний стон роженицы, служительница бережно приняла младенца в свои руки.

Действуя уверенно и быстро, она обмыла кричащую девочку подготовленной чистой тёплой водой из глиняного чана, смывая следы крови и первородной смазки. Затем укутала крошечное тельце в старое, потрепанное, но тщательно выстиранное одеяло.

Уложив младенца на грудь роженицы, настоятельница выпрямилась и посмотрела на молившегося Хаосу мужчину, который по-прежнему стоял на коленях возле побледневшей жены и новоиспеченной дочери. Её лицо оставалось отрешенным. Теперь она неподвижно стояла посреди полутёмной комнаты, дожидаясь пособку с ледяной водой из колодца.

По древнему канону храма Высшего Милосердия, вода была необходима для обряда очищения – священного омовения, которое должно было разорвать узы между душой матери и ребёнка, если тому было суждено покинуть родной дом.

Когда слабый писк новорожденной девочки вновь разорвал гулкую тишину комнаты, деревянная дверь хижины с треском распахнулась. Холодный, влажный вихрь ворвался внутрь, едва не слизнув остатки пламени. На пороге стояли двое. Первой шла сторбленная деревенская пособка с тазом, в котором звякала колодезная вода. За её спиной, едва не задевая головой низкий потолок, возвышался силуэт в глухом угольно-чёрном плаще, полы которого матово поглощали скудный свет ночного неба. Это был Цензор Искры. Тот, чьё появление в бедных кварталах смертных всегда означало либо великое избавление от нищеты, либо вечное проклятие. С его приходом в комнате воцарилась молчание. Напряжённая, пугающая атмосфера мертвой хваткой сдавила полутёмную хижину. Даже новорожденное дитя на мгновение затихло, словно испугавшись холода, который принёс с собой этот человек. Слышно было лишь, как потрескивает чудом не потухший огонь, да хриплое дыхание дарующей жизнь.

В этой удушливой страшной тишине умирающая женщина заговорила первая. Она прекрасно понимала, что её время иссякло. Она чувствовала, как кровь остывает в жилах и Великая Мать уже протягивает к ней свои невидимые длани.

С трудом повернув голову к застывшему у настила чиновнику, она нашла в себе силы нарушить безмолвие.

– Господин... – её голос прозвучал как шелест сухой травы, но в нём была отчаянная твёрдость. – Я знаю, что ухожу.

Великая Мать зовет меня... Мой путь окончен. Но перед тем, как я закрою глаза, умоляю... исполни мою последнюю волю.

Цензор не шевелился, его лицо в полумраке казалось высеченным из гранита, но женщина продолжала цепляться за его присутствие, как за единственный шанс.

– Запиши её... в свои свитки. Дай ей имя. Пусть вся вселенная знает её как Алистру... Вершительницу и Вестницу Хаоса.

Не произнося ни слова, Цензор еле заметно кивнул и придвинулся к соломенным нарам. Из-под глубокого капюшона не было видно его лица – лишь холодный металлический блеск Окуляра Бездны, закрепленного на левом глазу. Он проигнорировал еле слышный стон измученной женщины и протянул руку к младенцу, завёрнутому в старое тряпье. Обычные люди замерли от страха и ожидания. Нарушая тяжелую тишину, Цензор достал из-за пазухи хрустальный флакон, в котором тяжело перекачивалась серая алхимическая жидкость – живая ртуть, способная распознать след высшей крови.

Он откупорил флакон и позволил одной-единственной капле упасть на крошечную, сморщенную ладонь новорожденной девочки.

Повитуха затаила дыхание, ожидая увидеть привычный узор – тёмное пепельное пятно, знак демона среднего звена, который гарантировал, что ребёнка просто заберут в армейские казармы, выкупит богатая аристократическая семья

или же просто ничего не случится: ребенок будет без силы и останется в семье влачить жалкое существование. Но живая ртуть повела себя иначе. Коснувшись кожи младенца, она не почернела. Жидкость с шипением впиталась, и в ту же секунду по венам девочки разлилось чистое ослепительное золото. Тонкие капилляры под её полупрозрачной кожей вспыхнули сиянием изначального эликсира, заставив Окуляр Бездны на лице Цензора бешено вращаться с тонким паническим свистом.

Ветхие стены нищей избы задрожали, а тени по углам испуганно метнулись прочь, подчиняясь вздоху той, кому суждено было стать Великой Демоницей. Цензор Искры сделал шаг назад, впервые в жизни роняя официальный свиток из дрожащих рук. Тяжело дыша, он поднял бумагу и выскочил из прогнившей лачуги в холодную, пропитанную сыростью и морозящим дождем тьму. Ледяные капли мгновенно остудили раскаленный металл Окуляра, который до сих пор тихо и панически вибрировал на его лице. Руки чиновника дрожали, когда он на ходу прятал пустой пергамент обратно под полы плаща. Не разбирая дороги, он быстро направился по грязи к стоявшей недалеко чёрной дорогой карете. Её матовый титановый корпус украшенный гербами древнего рода герцогов Астеров-Аррианских, казался инородным телом среди этих убогих трущоб Дессы.

Кованные рессоры кареты едва заметно качнулись. Окно, обитое плотным фиолетовым бархатом, медленно опу-

стилось, и из темноты салона послышался глубокий, властный голос:

– Ну что, на этот раз не пустышка? – Нет, господин... – дрожащим, сорвавшимся голосом ответил Цензор, низко склоняя голову перед невидимым собеседником. Он судорожно сглотнул, чувствуя, как по спине течёт холодный пот.

– Девочка с силой... Но придется выложить за неё в пять раз больше намеченной цены.

Герцог внутри кареты недовольно нахмурился и в глубине салона опасно вспыхнул синий сапфировый отблеск его глаз – признак чистокровной аристократии Арии, которая еще не успела ассимилироваться на Тёмной стороне Дессы.

– По какой причине? – в его голосе звенящим металлом прорезалось раздражение.

– Её сила... Я не уверен, мой лорд, но приборы зафиксировали золотое свечение. Возможно, в ней запечатан изначальный эликсир бессмертия. Древняя кровь. Быть может, лучше мы немедленно заберем её в Цензариат для изучения? Она может быть смертельно опасна для вашего дома...

– Нет, – отрезал герцог и его тон не терпел возражений.

– Я не могу больше ждать. Я обещал герцогине привезти ребёнка сегодня. Клан угасает, нам нужна эта кровь, кем бы ни был этот младенец. Напиши чек. Департамент Кровного Наследия покроет любые расходы.

Цензор покорно склонился еще ниже, торопливо доставая гербовый бланк:

– Хорошо, господин. Но есть еще кое-что. Женщина в хижине, она Призванная. И перед кончиной просит об одной просьбе.

Карета погрузилась в короткое тяжелое молчание. Тёмные лорды презирали слабость, но чтители нерушимые догмы Бездны.

– Ты знаешь кодекс, цензор, – ровным ледяным тоном отозвался изгнанный ангел – Последняя просьба Призванной – закон. Чего она хочет? Ещё денег для своих оставшихся голодранцев?

– Нет. Господин, – Цензор Искры поднял свои испуганные глаза на окно кареты. – Она хочет, чтобы девочку назвали Алистрой.

Герцог молча кивнул, соглашаясь с последней волей, и окно кареты с глухим стуком закрылось. Так судьба великой демонессы Астарты в теле маленькой Алистры была решена за пару минут, пока холодный дождь Дессы продолжал смыть следы её истинного происхождения. Её умершая мать так и не узнала, насколько пророческим оказалось имя, данное дочери при рождении.

Глава 1. Диана

Октябрь в нашем городе всегда пахнет гнилыми листьями, дешёвым табачным дымом и безысходностью. Для меня этот месяц – затяжной прыжок в обжигающе холодную воду, из которой невозможно вынырнуть... Именно так я ощущала свою жизнь в тот момент. Но если отбросить метафоры и вернуться в реальность, то мне пятнадцать, меня зовут Диана, я учусь в девятом классе обычной серой общеобразовательной школы и каждый день искренне ненавижу утро.

– Диан, вставай... Они опять орут, – тихий, дрожащий голос Тёмы выдернул меня из остатков сна.

Я резко распахнула глаза. Сердце колотилось где-то в горле. Секунду назад мне снова снилось то безумное, выжигающее изнутри полнолуние с тремя огромными дисками на небе, но реальность заставила меня мгновенно опуститься на землю. Над нашей старой провалившейся тахтой грязно-зеленого цвета, на которой мы с восьмилетним братом спали вдвоём, нависал потолок с жёлтыми разводами от вечных потёков. Обои в комнате давно отвалились клочьями, обнажая серую сырую штукатурку. За хлипкой дверью в материнской комнате разразился очередной ад. Пьяные выкрики, звон бьющегося стекла, глухой удар и отборный мат. Наша мать – Надежда... И ведь имя-то какое... Надежда. Даже смешно. Вся её «надежда» измерялась ценой дешёвой водки,

а главной целью в жизни было наскрести лишнюю копейку на очередную рюмку... Но ладно, я отвлеклась...

Наша мать Надежда снова пила с какими-то непонятными личностями, которых приволокла с улицы несколько дней назад. Они бухали, дрались, ругались и этот кошмар казался бесконечным. Из коридора доносилась удушливая, тошнотворная вонь дешёвого пойла, перегара и сигарет. За долги по коммуналке у нас давно грозились отключить свет и воду, а в старом холодильнике на кухне мышь могла бы повеситься, если бы там было хоть что-то кроме банки заплесневелых огурцов и корки ржаного хлеба. Но мышь даже и не сунулась в этот холодильник. Видимо, побоялась умереть от голода ещё на пороге. Продуктов у нас не было никогда.

– Всё хорошо, Тёмка. Иди умывайся, я сейчас, – и ласково потрепала брата по белокурой голове, стараясь, чтобы мой голос не дрожал.

Он послушно кивнул и шмыгнул носом. Тёма учился во втором классе в той же школе, что и я. Заботиться о нём, кормить, одевать и водить на уроки давно стало моей прямой обязанностью, потому что матери было абсолютно плевать, живы мы вообще или нет. Я поднялась с постели и подошла к стулу, на котором висела моя школьная одежда. Пальцы привычно коснулись грубой ткани старой растянутой и потертой кофты, которая когда-то была серой, а теперь напоминала грязную тряпку. Застиранные, заношенные до дыр джинсы и выдавшие виды стоптанные кеды с лопнувшей подошвой –

вот и весь мой гардероб. Вещи насквозь пропитались этим домашним, въевшимся в стены сигаретным дымом и нищетой. Как бы часто я ни пыталась стирать их вручную в раковине в холодной воде, потому что горячей всегда не было, этот запах не исчезал.

В школе меня за это откровенно презирали. Одноклассники – стая сытых модно одетых хищников – обходили меня стороной, демонстративно зажимая носы при моем приближении. «Эй, вонючка, от тебя опять несёт алкашами!» – эта фраза летела мне в спину каждый божий день. Издевательства, злые насмешки, толчки в коридорах – я привыкла терпеть это, сжав зубы и опустив голову. У меня не было сил огрызаться. Все мои силы уходили на то, чтобы просто выжить.

Единственным человеком, который не отвернулся от меня в этом классе, была Тася. Таисия – странная девчонка, которая сидела со мной за одной партой. В школе её считали сумасшедшей ведьмой. Она постоянно таскала с собой колоду карт Таро, что-то шептала и утверждала, что в её роду по женской линии все занимались древним ведовством и колдовством. Самое жуткое, что все её предсказания всегда сбывались с пугающей точностью. Тася была единственной, кто знал, через какой ад я прохожу дома, и почему после шести уроков я не бегу гулять, а иду в местный супермаркет на окраине спального района. Там, в душном торговом зале, за пару тысяч рублей в месяц я хватала тяжелую швабру и

до поздней ночи мыла грязные полы, смывая следы чужих дорогих ботинок. Каждый рубль с этой подработки шёл на хлеб, молоко и дешёвые макароны для Тёмы. Я откладывала копейки, чтобы хоть как-то прокормить брата, пока в моей голове каждую ночь продолжали загораться три огромные величественные луны, зовущие меня в мир, где я не была слабой и уязвимой девочкой из обшарпанной пятиэтажки.

Закончив с водными процедурами, мы переоделись и еле слышно ретировались из дома под чей-то нетрезвый рык. Брат послушно натянул заношенную курточку, взял меня за руку, крепко вцепившись в мою ладонь. Он не задавал вопросов – слишком хорошо знал, что в такие моменты нужно просто исчезнуть, раствориться в темноте подъезда, пока пьяная ярость за дверью не перекинулась на нас. Мы вышли на улицу и побрели через холодный октябрьский туман в сторону школы. Я довела его до двери кабинета второго класса, поправила съехавший ранец и обняла.

- Учись хорошо, мелкий. После уроков я тебя заберу, – улыбнулась я, стараясь выглядеть бодрой.

Тёма кивнул и скрылся за дверью, а я повернулась, чтобы идти на свой этаж. Но у лестницы меня ждал тёплый «привет». На площадке стояла Кристина – первая красавица нашего класса, окружённая своими верными шестёрками. Стоило мне поравняться с ними, как они демонстративно зажали носы и отшатнулись.

– Фу-у, девчонки, вы чувствуете этот изысканный аромат? – нарочито громко, на весь коридор заржала Кристина, глядя на мою растянутую кофту. – Это новая коллекция «Бомж-стайл» от Дианы! Пахнет дешёвым табачищем, сивухой и помойкой. Власова, твоя мамаша хоть иногда трезвеет, чтобы постирать тебе шмотки? Или ты сама в луже их полощешь?

– Гляньте на её кеды, там скоро подошва совсем отвалится, – поддакнула её подруга Вика, брезгливо разглядывая мою потрёпанную обувь.

– Слышь, сирота при живой матери, может, скинемся тебе на мыло? А то сидеть с тобой в одном кабинете просто нереально, глаза режет!

Вокруг начали оборачиваться другие ученики, слышались смешки. Слова Кристины жалили, как осы, но я лишь сильнее сжала лямки своего старого рюкзака, опустила голову и быстро прошла мимо них. Сердце горело от унижения, но я привыкла. У меня просто не было сил на драки и споры.

К середине дня эти силы иссякли окончательно. На перемене после четвёртого урока Тася внимательно посмотрела на меня, отложив в сторону свой блокнот с астрологическими символами.

– Диан, на тебя смотреть страшно. Ты бледная, как смерть, кожа аж светится, – Тася коснулась моего плеча, и её глаза цвета кофе сузились от беспокойства. – Что с тобой? Руки трясутся. Ты хоть ела сегодня что-нибудь или опять плохо спала? Тебе опять снилось то полнолуние да? Ну, те три лу-

ны, о которых ты говорила?

Я тяжело опустила голову на сложенные на парте руки. Меня всю лихорадило, а перед глазами до сих пор стоял тот выжигающий серебряный свет.

– Да, Тась, я ела. И да, они опять мне снятся. Я так сильно устала... – выдохнула я – Ложусь спать и как будто проваливаюсь в какую-то бездну, где эти три луны просто выжигают мне разум. Просыпаюсь разбитой, всё тело ломит, дома ад, в школе эти стервятники... Я больше не могу, у меня нет просветов.

Тася нахмурилась, судорожно сжав пальцами свою сумку, где лежала заветная колода Таро.

– Так, всё, хватит это терпеть, - решительно перебила она меня. – Диан давай я тебе погадаю. Серьезно. Хоть узнаем, будет у тебя в жизни этот чёртов просвет или нет, к чему вообще эти три луны тебя ведут. Но не здесь, в школе шумно, карты не любят чужие уши. Давай договоримся так: после уроков ты забираешь Тёмку, и вы идете ко мне. У меня дома чисто, тихо, порядок. Тёма как раз поиграет с моими сёстрами, они его быстро отвлекут, а мы закроемся в комнате. Погадаем, чаю попьем, вкусняшек купим, отдохнешь хоть немного. Пожалуйста, Диан. Соглашайся.

Я посмотрела на искреннее, взволнованное лицо подруги. Мысль о том, чтобы провести вечер в чистой, спокойной квартире Таси, а не возвращаться в пахнущую перегаром квартиру матери, показалось мне спасением.

– Ладно, – тихо выдохнула я, чувствуя, как по телу разливается минутная слабость. – Спасибо, Тась. Мы придем.

Я ещё не знала, что этот расклад карт станет последней чертой, отделяющей мою нищую земную жизнь от холодно-го, величественного мира Дессы.

После уроков мы, как и договорились, забрали притихшего Тёмку и пошли к Тасе. Её квартира встретила нас тем, чего в моём доме не было уже много лет – теплом, уютом и оглушительным, но весёлым детским смехом. Едва мы переступили порог, как три младшие сестрёнки Таси с писком окружили Тёму, тут же увлакивая его вглубь коридора показывать гору игрушек и лего. Мой брат сначала растерялся, а потом робко улыбнулся и пошёл за ними. На душе впервые за день немного отпустило.

Тася критически осмотрела меня с ног до головы, задерживая взгляд на заношенных до блеска джинсах и прокуренной кофте.

– Так, Диан, марш в ванную, – безапелляционноскомандовала она, подталкивая меня к двери. – Смой с себя этот сумасшедший день. Полотенце чистое на стиралке. Греешься, сколько хочешь, поняла? А потом поужинаем все вместе.

Я благодарно кивнула. В ванной у Таси было стерильно чисто, пахло лавандовым мылом и хвоей. Я включила воду, но стоило струям потечь из лейки, как внутри привычно сжался холодный комок страха. Прошло восемь лет, но тело

до сих пор помню ту ледяную ванну, отчима и ощущение, что я задыхаюсь под водой. Трясущимися руками я настроила тёплую воду и встала под душ, стараясь принимать его как обычно – быстро, не закрывая глаз, чтобы не оставаться один на один с темнотой. Но стоило каплям коснуться лица, как реальность вокруг меня с тихим гулом треснула, и я снова провалилась в тот самый, глубоко похороненный кошмар своего детства. Мне было всего семь, когда тот ад начался. Я до сих пор помню липкий, парализующий страх, который сковывал меня каждый раз, когда отчим заходил в комнату. Помню его тяжелые шаркающие шаги, удушливый запах и то, как он трогал меня, маленькую, беззащитную девочку, своими грязными пожелтевшими пальцами с жесткими пластинами ногтей. Я не понимала, почему близкий человек делает мне так больно. Этот кошмар длился около двух лет. Каждый вечер я замирала от ужаса, пряталась под кроватью, под одеялом, даже в шкафу, но он всегда находил меня. Всегда.

А потом была та страшная ночь, когда я наконец, набравшись смелости и сквозь слёзы рассказала всё маме. Я ждала защиты, ждала, что она обнимет меня и спасёт. Но мама, пьяно покачиваясь, лишь злобно зыркнула на меня, отвесила тяжелую пощечину и обозвала малолетней лгуньей, которая пытается разрушить её «счастье». Она ушла, хлопнув дверью, а в квартире воцарилась зловещая тишина. Я стояла в коридоре, а щека горела багровым отпечатком по-

щёчины. Овернувшись, я замерла: в межкомнатном проеме стоял он, разглядывая меня с хищным взглядом и такой же хищной улыбкой. В панике я не придумала ничего лучше, как рвануть к ванной комнате. Я попыталась захлопнуть за собой дверь, но в последнюю секунду её перехватили его узловатые пальцы и распахнули настежь. Жесткие ладони резко схватили меня за волосы, лишая возможности дышать. Секунда – и лицо погрузилось в воду. Мою голову намертво прижали ко дну чугунной ванны, которая, я готова была поклясться – была набрана заранее. Вода хлынула в легкие, выжигая их изнутри, перед глазами начали взрываться алые и серебряные искры. Я отчаянно царапала его предплечья, пыталась вырваться, но сознание уже медленно угасало, погружаясь в чёрное небытие. И в тот самый миг, когда я сделала последний вдох воздуха, выныривая на поверхность, я почувствовала, как пространство вокруг внезапно замёрзло. Отчим тоже это заметил и ослабил хватку, я же, воспользовавшись минутной заминкой, развернулась и увидела, как из глухой, непроглядной темноты угла, ломая самую реальность, соткалась огромная, клубящаяся тень. Она двигалась бесшумно, как олицетворение самой смерти. Тень плавно протянула свою бесплотную руку и коснулась плеча отчима.

Произошло то, что до сих пор заставляет меня просыпаться в холодном поту: его физическое тело прямо на моих глазах начало стремительно чернеть и рассыпаться густым ан-

трацитовым дымом. Через секунду он исчез, дым улетучился под потолок, а тень словно бы слегка поклонилась мне и тоже растворилась в воздухе. На полу не осталось ни единой улики, ни единой капли крови. Ни-че-го. Мой мучитель исчез из этого мира навсегда. С тех пор полиция считала его пропавшим без вести, а мама начала пить ещё больше а я... целых шесть лет жила с этой тайной. Детская психика умеет защищаться. Все эти годы я уверяла себя, что чёрная тень и рассыпающийся в дым человек – это лишь жуткая, безумная галлюцинация на фоне нехватки кислорода и утопления. Просто фокус умирающего разума. Но почему тогда каждый раз, когда я закрываю глаза, мне кажется что эта тень продолжает стоять за моей спиной?

Я резко встряхнула головой, смывая с лица настоящие горячие слёзы, смешавшиеся с каплями душа. Выключив воду, я судорожно вздохнула. Травма никуда не ушла – она сделала меня той, кто панически боится прикосновений мужчин и обычной воды.

Когда я вышла, замотанная в пушистое полотенце, Тася уже ждала меня в своей комнате. На её кровати аккуратной стопкой лежали вещи.

– Вот, держи, – подруга протянула мне мягкий плотный свитер приятного винного оттенка и темно-синие джинсы. – Это моё, я почти не носила, мне маловато. Хватит ходить в том растянутом ужасе, Диан. Носи на здоровье.

Я взяла вещи, чувствуя, как к горлу подступает комок.

Свитер пах кондиционером для белья и настоящим домом. Он сел на меня идеально, скрывая выпирающие от недоедания ключицы, а джинсы оказались крепкими и совершенно целыми, без потёртостей. Я посмотрела на себя в зеркало и впервые за долгое время увидела не замученную тень, а обычную симпатичную девчонку.

Тася подошла к дверному стеклу, через которое было видно, как на ковре в зале Тёмка увлеченно строит огромный замок вместе с девочками. Брат смеялся – искренне и громко.

– Как же хорошо, что он у тебя такой спокойный, – тихо вздохнула Тася, а потом её лицо помрачнело, и она с сожалением повернулась ко мне. – Блин, Диан... Прости. Я сейчас перерыла все шкафы девчонок, думала, может от них какая-то одежда Тёме подойдет на вырост, но у них всё девчачье, в рюшах и розовое. Могу только белую футболку отдать. Как назло, ни одного знакомого в доме нет, чтобы пацану твоему хоть куртку нормальную или штаны подобрать. Так обидно.

– Ну что ты, Тась, – я торопливо подошла и обняла подругу, чувствуя, как на глаза наворачиваются слёзы. – Спасибо тебе. За всё. За то, что приютила, за свитер... Это и так слишком много для нас.

Тася крепко сжала меня в ответ, а потом мягко отстранилась и серьезно посмотрела мне в глаза. Она подошла к письменному столу, выдвинула ящик и достала оттуда тяжелую бархатную коробочку, в которой покоилась старинная,

потертая по краям колода карт Таро.

– Сейчас поужинаем, а потом начнём...

– Ладно, – выдохнула Тася, зажигая маленькую свечу на столе. – Время пришло. Садись напротив Диана. Давай снимем замки с твоих трех лун и посмотрим, что за будущее приготовила тебе Вселенная.

Тася глубоко вздохнула и трижды постучала по старинной деревянной рубашке карт, прогоняя лишнюю энергию, как учила её бабушка. В комнате воцарилась звенящая, почти осязаемая тишина, нарушаемая лишь тихим треском свечи. Подруга начала медленно, сосредоточенно тасовать колоду. Шуршание плотного картона успокаивало, но стоило Тасе вытянуть первую карту, как пламя свечи испуганно дернулось и вытянулось вверх тонкой стрункой.

На стол легла первая карта – «**ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА**»

Женщина на рисунке сидела между чёрной и белой колоннами, а на её голове сияла корона из трёх лун, точь-в-точь как в моих снах.

– Диан... – Тася сглотнула, и её голос стал непривычно низким. – Смотри. Жрица – это скрытая суть. Тайные знания. Карта говорит, что в тебе заперто то, о чем ты сама забыла. Ты как будто живёшь между Добром и Злом. Как будто на два мира.

Она вытянула вторую карту и резко перевернула её «**ВЛЮБЛЕННЫЕ**».

– Это про какую-то неправильную любовь, – торопливо зашептала подруга, вглядываясь в переплетенные фигуры на рисунке. – Где-то там, в будущем тебя ждет твоя вторая половина. Жестокий человек, который умер.. или умирал...вместе с тобой?.. – едва слышно обронила девушка. Она медленно перевела на меня глаза, в которых читалось глухое, неподдельное замешательство. – Это было давно, много лет назад.

Мои пальцы под столом судорожно сжались.

Тася занесла руку над колодой, медля, словно боялась того, что выпадет дальше. Наконец, она вытащила последнюю карту и шумно выдохнула. Это была «ЛУНА». На ней была изображена огромная давящая сфера, с которой на высокую стену капало золото, а за стеной простиралась бескрайняя пустошь.

– Мне страшно Диан, – Тася побледнела и дрожащими руками начала быстро собирать карты обратно в коробку. Я сидела как громом пораженная. Пророчество подруги тяжелым камнем легло на сердце. Наше гадание прервал робкий стук в дверь. На пороге стоял Тёмка. Его заношенная футболка была в пятнах от сока, а на лице светилась редкая счастливая улыбка – сестрёнки Таси заиграли его до упада. От него, как и от меня раньше, пахло домашним кислым дымом нашей хрущёвки.

– Тём, иди-ка сюда – ласково позвала Тася, прерывая гнетущую атмосферу – Давай мы и тебя в порядок приведем.

Марш в ванную, погрейся, а я пока достану Юлькину белую футболку, она, конечно может быть маловата, хотя... Ты такой худенький...

Брат послушно пошел мыться, а я какое-то время молча оставалась сидеть на кровати, пока Тася копалась в шкафу. Затянувшуюся тишину нарушил тихий шорох – в комнату вошла подруга, бережно неся в руках кристально-белую футболку. Она присела рядом и тихо произнесла:

– Ты извини меня, Диан, но я правда не понимаю... Ну как у такой матери, как ваша, могли родиться настолько прекрасные дети? Ты просто замечательная, классная, безумно красивая девушка. А Тёма? Тёма у тебя вообще загляденье, как ангел. Светловолосый, глаза голубые, яркие – просто лазурные! Девчонки будут бегать за ним... Ну вот, как так получается, а?

Я пожала плечами:

– Злая шутка природы

Наш разговор прервал тихий щелчок открывшейся двери. Тёма вышел из ванной чистый, раскрасневшийся и сонный, бережно придерживая огромное полотенце на бёдрах.

– Ну, нам пора – выдохнула я

Часы на стене безжалостно показывали поздний вечер. Нам было пора уходить. Как бы сильно ни хотелось остаться в этой тёплой, стерильной чистоте и уюте, мы не могли прятаться вечно. Мы нехотя натянули свою старую верхнюю одежду и подошли к двери. Мягкий винный свитер, подарен-

ный Тасей, приятно грел тело, но стоило нам выйти на лестничную клетку, как в нос снова ударил знакомый въевшийся запах сырости. Взявшись с Тёмой за руки мы медленно поплелись по тёмной октябрьской улице обратно к нашей пятиэтажке. После недолгого молчания брат ошарашил меня неожиданной фразой:

– А гадать нельзя. Гадание – это грех. Я посмотрела на него сверху вниз и растерянно спросила:

– С чего ты взял? Кто тебе об этом сказал? Он лишь пожал плечами и едва заметно качнул головой:

– Не знаю. Я всегда это знал. Я ничего не ответила, лишь крепче сжала его холодную ладошку, чувствуя, как внутри меня медленно, но бесповоротно замерзает последняя надежда на нормальную жизнь.

Мы вернулись в пустую квартиру. Дома стояла гулкая, звенящая тишина – матери не было, как и её вечных собутыльников. Видимо, они опять шатались по тёмным улицам в поисках денег на очередную бутылку или оккупировали лавочку в соседнем дворе: орали дурными голосами, матерились и мешали людям спать. Тошнотворное предчувствие их возвращения тяжёлым камнем легло мне на грудь. Я помогла Тёме раздеться и уложила его на тахту. Натянув на его худенькие плечи старое, колючее одеяло:

– Засыпай, мелкий. Завтра вставать рано, в школу опоздаем.

Брат послушно закрыл глаза и вскоре задышал ровно и глубоко. Я присела на край постели и вытянув ноги уставилась в окно. Спать не хотелось совершенно. За стеклом раскинулось бездонное ночное небо, усыпанное на удивление яркими, сияющими звёздами. Они мерцали так равнодушно и чисто, словно им не было никакого дела до того ледяного кошмара, который разворачивался в нашей квартире. Я легла рядом с братом и начала гипнотизировать эту далёкую лазурную высь, и тишина вокруг казалась мне той холодной водой, из которой я так отчаянно пыталась вынырнуть.

Как же я устала от этой жизни. От этих пятнадцати лет жалкого существования. Хотелось лечь на голый асфальт и заорать во всё горло от внутреннего чувства безысходности, но пока на меня орала только мать, когда не могла найти денег на выпивку или ей не хватало, а я не могла ей помочь.

– Зачем я вас только родила? Потаскуха мелкая и спинोगрыз! Устала, как же я от вас устала! Глаза бы мои вас не видели, сдать бы вас куда-нибудь, избавиться раз и навсегда! – её пьяный, сорванный крик до сих пор набатом стоит в моих ушах.

Что говорить, буквально позавчера вечером моя мать шаталась, размахивая пустой бутылкой, выплескивая на меня всю злобу, лишь из-за того, что я спросила, осталось ли что-то с тех выплат, что она получает на нас с Артемием. Мне нужна была новая обувь да и Тёме тоже, ведь зима дышала в спину, а из тёплого у нас на двоих оставались лишь мои

прохудившиеся кеды и его старые детские ботинки, которые давно жали ему в пальцах. Но до неё было не достучаться, ей было всё равно. Лишь её проблемы и только. Я стояла перед ней посреди обшарпанной кухни, сжав кулаки, и молча глотала слёзы, пока её сожители пьяно гоготали на заднем плане. Единственное, что меня спасло в тот момент, – это мысль о том, что, хорошо Тёмка этого не слышит. Ведь он всё еще любит мать, а я уже нет. Я не люблю и не ненавижу её, я просто ничего к ней не чувствую.

В тот момент мой восьмилетний брат ночевал у тёти Вали – одинокой пожилой соседки из дома напротив. Тётя Валя была давней подругой моей покойной бабушки, от которой нам и досталась эта квартира. Она жалела нас, подкармливала домашними супами и забирала Тёму к себе в те дни, когда в нашей хрущёвке начинался совсем уж невыносимый дебош. Вот и позавчера Тёмка спал в чистой тихой соседской квартире, пока меня дома ломали на куски.

Таких ссор было сотни, но однажды я не выдержала. Закрывшись в нашей комнате, я опустила на прожжённый от сигарет линолеум и зарылась лицом в колени. В тот вечер, около месяца назад, во мне что-то окончательно треснуло. Отчаяние, густое и чёрное, сдавило горло. Я так сильно устала. Устала от вечной нищеты, от запаха перегара, от издевательств в школе, от грязных полов в супермаркете и вечного, сосущего чувства голода. Мысль о том, чтобы покончить с собой, впервые показалась мне такой заманчивой и простой.

Достаточно было просто сделать один шаг, прекратить эту ежедневную пытку, уснуть и больше никогда не просыпаться. Я уже готова была сдаться, но перед глазами встало лицо Тёмы – моего маленького беззащитного брата, так похожего на ангелочка, у которого во всем мире не было никого, кроме меня. Если я уйду, мать продаст квартиру за долги или её лишат родительских прав, а его сдадут в детский дом, где сломают окончательно. Ответственность за эту крошечную жизнь держала меня крепче любых цепей. Я не могла оставить его одного. Просто не имела права.

Поднявшись на негнущихся ногах, я уткнулась лбом в холодное стекло окна. Там, за слоем многолетней пыли и дождевых разводов светились редкие огни дома напротив. Тогда я впервые в жизни взмолилась. Слёзы обжигали щеки.

– Пожалуйста... Кто-нибудь, – шептала я в пустоту, сжимая на груди воротник растянутой кофты. – Бог, высшие силы... если вы слышите меня, помогите. Дайте мне хоть какой-то знак. Покажите, что это всё не зря. Намёк, шёпот, что угодно... Просто измените мою жизнь и жизнь брата в лучшую сторону. Я больше не справляюсь сама.

Я умоляла о спасении, не зная, что вселенная услышит меня слишком буквально. Именно после той ночи, когда мой личный ад достиг своего пика, мой разум тронулся с места. Сначала мне начало сниться полнолуние. Огромная, неестественно близкая луна висела над головой, заливая мои сны странным, плотным серебристым светом. Этот сон по-

вторялся каждую ночь на протяжении трёх недель, выжигая из памяти земные кошмары и заполняя внутреннюю пустоту странным предчувствием. А затем сон изменился. Луна расстроилась. Три полные луны – фиолетовая, серебряная и ослепительно белая – теперь каждую ночь занимали всё небо в моих видениях, подбираясь всё ближе и ближе к сознанию. Они снятся мне по сей день и с каждым разом их свет становится всё более осязаемым, словно замок в моей голове вот-вот сорвется с петель.